

Сергей САМОЙЛЕНКО

О ГОРЬКОЙ СОЛИ СТИХОВ,
О ПОЭТИЧЕСКИХ МУРАШКАХ
И МНОГОМ ДРУГОМ

Обзор логично начать с кассеты «Я знаю, что так не бывает», объединившей под своей обложкой семь первых поэтических книжек. Мне не кажется удачным название кассеты: в нём видится декларированная оторванность поэзии от жизни, заявка на этакое «витание в облаках». Очевидно, сработал стереотип – раз книжка первая, поэт молодой, значит, сплошная романтика и никакой опоры на низкую действительность. Однако при всей разности поэтических воззрений своих все семь поэтов достаточно прочно стоят на земле, и никаких особенных воздушных замков в стихах их не отыщешь.<...>

В зубах, наверное, навязла уже истина прописная, что поэт начинается со второй книги. Вторая книга Иосифа Куралова – «Тридесятое пространство». Впрочем, я всё-таки вёл отсчёт с первой книжки, а вторая – уже новый рубеж.

Куралова читать интересно. С ним, можно сказать, не соскучишься. То он открытым сарказмом припечатает, то лукавой усмешкой исподтишка подкузьмит, а то вдруг совершенно серьёзным обернётся. То у него золотая рыбка из мутной водицы выплывет, то царевна-лягушка заквакает, то мотивчик слезоточивой сиротской песни возникнет: «никто, дескать, не узнает, где могилка моя...» То он хвалебной песнью во славу неверблюда разразится, то в книгу трамвайного управления такого понапишет... А сразу же за этим вдруг «Свет и лист»: «В тот момент, земли касаясь, Отрываясь от земли, К тучам серым прорываясь, Пятна светлые пошли...» И уж веришь, что есть, есть у поэта шестое чувство... А потом вдруг с тоскливой самоиронией: «За всё приходится платить... И за такси ночные. И за дрова печные». И вот так в первой половине книги постоянно – по грани и по краю. По грани между драмой и фарсом, между патетикой и иронией, которая, впрочем, согласно классической эстетике, сама есть разновидность пафоса. И ещё раз я повторю – всё это очень интересно и увлекательно.

Но вот поэмы... «Письмо любимой поэтессе», огромное любовное послание, развёрнутое чуть ли не от сотворенья мира до XXI века. Чехарда культурных мифов, эпох, стран – так меняются декорации в театре. На сцене – двое. Действия – никакого. Вавилонская башня становится Эйфелевой, та превращается в трубу с выходом в открытый космос; в калейдоскопе христианство вдруг становится языческой Русью, затем мусульманством; Орда возникает и гибнет на глазах; идёт тотальный маскарад: Мария рождается из античной пены в костюме Евы; (кругом голова и в глазах рябит от восклицательных знаков. Ух!)

В «Тридесятом Пространстве» начинаются скачки с препятствиями на Пегасе вокруг пресловутой трубы... Короче, к финишу герой приходит да к тому же, как и положено в сказках, с юной девой. Я надеюсь, мой несколько ироничный тон не будет считаться издёвкой в разговоре о поэмах. Мне кажется, что они провокативны сами по себе, на уровне письма, и с полной серьёзностью трудно обсуждать их. Думаю, И. Куралов переоценил возможности игровой поэзии, слишком увлёкся возможностью парадоксального сопряжения далековатых понятий на столь большом пространстве, хоть и тридесятом. Мне показалось, что он злоупотребляет своим даром и переоценивает возможности читателя воспринимать подобную поэзию в больших объёмах. Разумеется, это субъективное мнение, не претендующее на какую-либо категоричность. Просто я считаю, что И. Куралову дано так много, что и ждёшь по-настоящему большой и значительной вещи.

г. Кемерово, 1991 г.